

ви», «страсти» и «труда в писании водевилей не видел и считал, что для него будет достаточным, если «во всю свою жизнь с грехом пополам нацарапает с десяток сценических безделок»; ему было «стыдно» «за своих Медведей». Он испытывал «утомление и скуку громаднейших размеров» от работы над подобными пьесками. Одна из них — «Сила гипнотизма» осталась незавершенной. Не лишне отметить, что «Иванова» Чехов называл «Болвановым» (в письме 18 марта—1889). Так мало ценил в себе Чехов в начале драматургическую жилу, отдаваясь в водевилях молодому задору, желанию выдвинуть, по его словам, тру-ла-ла. Биограф и исследователь творчества Чехова многое извлекут из письма В. Л. Кигну от 10 ноября 1903: «я все похварываю, начинаю уже стариться, скучаю здесь в Ялте и чувствую, как мимо меня уходит жизнь и как я не вижу много такого, что, как литератор, должен бы видеть. Вижу только и к счастью понимаю, что жизнь и люди становятся все лучше и лучше, умнее и честнее—это в главном, а что помельче, то уже слилось в моих глазах в одноцветное, серое поле, ибо уже не вижу, как прежде».

Письма к А. Ф. Марксу от 1899 года знакомят с процессом отбора из разбросанных в многочисленных газетах и журналах сочинений для «нивского» издания; продажу своих сочинений издателю «Нивы» Чехов считал «неудачной» и писал В. Л. Кигну 24 января 1904 года: «Что вам за охота закабалить свои сочинения, повторять ту же ошибку, которая заставляет меня теперь ежеминутно почесываться. Не проще ли самому издать свои сочинения».

Большинство писем касается внешней стороны жизни Чехова, изредка перерываясь юмористическим штрихом, роднящим стиль письма с поэтическим этюдом.

Н. Бродский.

РАДУГА. Альманах Пушкинского Дома. Петербург 1922. 308 стр.

По прекрасному слову А. Блока, «имя Пушкинского Дома в Академии Наук», действительно, становится «знакомым и родным для сердца звуком». Книга за кни-

гой появляются на рынке с этим именем, всегда ценные и желанные для словесника. «Радуга» дает не мало любопытного историко-литературного материала за XVIII — XIX века. Среди рукописных реликвий Пушкинского Дома оказались документы, связанные со всеми литературными именами, крупными и менее заметными. Державин, Радищев, Жуковский, Дельвиг, Пушкин, Карамзин, Дмитриев, Кюхельбекер, Коншин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Писемский, Некрасов, Достоевский, Чехов, Мей, Никитин, А. Жемчужников, Л. Толстой, Майков, Гаршин—представлены в «Радуге» кто письмом, кто отрывком из начатого художественного труда, кто неизвестным произведением, интимной исповедью, стихотворной шуткой.

Не все здесь одинаково ценно, кое-что уже стало известно (напр., отрывки из речи Достоевского о Пушкине, стихотворение Пушкина «Царское Село»), но есть подробности или важные для понимания того или иного писателя. или вообще небезынтересные. Прежде всего хочется отметить письма И. С. Тургенева к Писареву и ответное письмо критика по поводу «Дыма». Напечатанные письма вносят существенные поправки в историю знакомства автора «Отцов и детей» с сотрудником «Дела». Ускользнувшие от регистрации в известном библиографическом указателе С. Пешрашкевич, оставшиеся без упоминания и у Е. П. Казанович, автора примечаний к переписке Тургенева и Писарева статья П. Мартыанова «Три встречи. II. Встреча И. С. Тургенева с Д. И. Писаревым» («Исторический Вестник» 1885 XI) и книга П. П. Суворова «Записки о прошлом» (ч. I, М. 1899, стр. 100—104) рисуют всю историю совершенно в другом виде, что любопытно, между прочим, потому, что П. Суворов ведет рассказ от лица Писарева. Для биографии Тургенева первостепенный интерес имеют его «молитвы», написанные в каноническом стиле и, по верному объяснению Л. С. Утевского, явившиеся в годы мучительной болезни, так удручавшей его в 1856—1857 г.г. Психологическая мотивация Л. Утевского нас не совсем удовлетворила: молитвы не были только криком отчаяния, малодушной попыткой

испробовать на «авось» и «это» средство. В сложном вопросе религиозных настроений Тургенева приведенные молитвы могут рассматриваться, как лишний штрих для уяснения того кратковременного момента, когда для Тургенева мысль о конце жизни связывалась с «обращением к Богу», когда в творческом пути Лаврецкий становился интимно близким, авто-портретным.

Из трех неизвестных до сего дня стихотворений Дельвига одно — «Фани. Горацианская ода» — неожиданно раскрыла загадочную третью строфу IV главы «Евгения Онегина»:

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета,
Как сон, забыты мной давно.

Оказывается, Пушкин чуть-чуть перефразировал стихи Дельвига, ставшие в применении к нему пророческими:

Темира, Дафна и Лилета
Давно, как сон, забыты мной
И их для памяти поэта
Хранит лишь стих удачный мой.

Среди писем А. Чехова к Я. Полонскому обращают внимание строки, посвященные работе над повестью «Степь» в авторской оценке, а также указания на попытку писать «во вкусе Альбова».

Не указываем на ценность примечаний к опубликованным материалам сотрудников Пушкинского Дома, — они поистине образцовы. Временами, впрочем, «объяснения» разрастаются до небольших монографических этюдов, совершенно затеняющих тот отрывок, который послужил поводом для комментария. Стихотворная шутка Лермонтова, где встречается фамилия Углицкой, вставлена в такую раму родословных справок о ее родственниках и подругах по Смольному институту, что когда читаешь у исследователя: «об отношениях А. А. Углицкой-Альбрехт собственно к Лермонтову нам ничего неизвестно», невольно задумаешься над целесообразностью введения в «радужные» альманахи такого типа комментария.

Н. Бродский.

С. Я. НАДСОН и графиня ЛИДА. Петербург. Стр. 136.

Не случайно на этой книге не проставлен год издания. Напечатана она была 35 лет тому назад, а сброшюрована и выпущена в свет в 1921 году. Странная судьба ее объясняется тем, что до выхода ее в свет раскрылись некоторые обстоятельства, дающие материал для иронических и злобствующих фельетонов постоянно травившему Надсона В. П. Буренину, и выход книги был задержан друзьями покойного поэта. Обстоятельства эти таковы: неизвестная поклонница Надсона, переписка с которой составляет эту книгу, оказалась, по некоторым сведениям, не графиней, богатой аристократкой, как она рекомендовала себя, а весьма скромной женой скромного чиновника, не блиставшей ни происхождением, ни богатством.

Книга эта в свое время встречена была бы с громадным интересом. Но часть своего интереса она сохранила и до наших дней, отодвинувших далеко назад внимание и к поэзии, и к личности Надсона.

Как известно, Надсон в последние годы пользовался необычайной популярностью и любовью в среде либерально настроенной молодежи.

Результатом этого было большое количество писем, которое он получал от неизвестных поклонников и поклонниц. За несколько месяцев до смерти Надсон получил письмо от неизвестной адресатки, рекомендовавшей «взбалмошной бабенкой» и пришедшей в восхищение, как от его стихов, так и от его... портрета. Романически настроенный поэт ответил на письмо и завязалась переписка, длившаяся до самой смерти поэта. Незнакомка становится все развязнее, посвящает поэта в свою семейную, материальную, светскую жизнь. Надсон сперва подозревает мистификацию, у него «невольно зарождается мысль о насмешке», потом он пытается свести переписку и восторги графини на шутку; однако дружеский и искренний тон писем покоряет его, и он сам становится откровеннее и теплее. Впрочем, он остается при убеждении, что письма графини «не так просты, как это может